

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алёна Острась
Истории деревни Х.

«Автор»

2026

Острась А.

Истории деревни Х. / А. Острась — «Автор», 2026

Смешные и грустные истории деревни, расположенной в глуши. Названия нет, просто деревня Х, ведь каждый наверняка узнает в этой сирени, покосившихся домах, искрящейся речке, непроходимом лесе и людях, деревенских людях, что-то своё. Каждая глава - небольшой законченный рассказ, произошедший достаточно давно, в 70-х - 90-х годах прошлого века. Выдумать такое было бы затруднительно, поэтому у каждого рассказа в основе реальная история. И про иностранца в глубинке, и про оживший тулуп, и про чертей в деревне. Ну и, конечно, немного вымысла) например, имена) остальное - правда!

© Острась А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Великий австралийский писатель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алёна Острась

Истории деревни Х.

Великий австралийский писатель

Два самых раскидистых и густых куста сирени растут перед домами Капустина и Уланова. Запутанная изгородь кустов загораживает фасады нежилых домов, баюкает их, заслоняет от солнца, пусть, дескать, поспят. Они заслужили. А связаны эти два дома не только сортовыми цветами, но и любовью к мировой литературе.

Начало семидесятых семья Уланова отметила грандиозным событием: дочка Сергея, Наталья, выпускалась не откуда-нибудь, а из Гнесинки. На торжественную церемонию собирались деятели культуры всех мастей, в том числе и один примечательный иностранный гражданин. К сожалению, имя его затерялось в чертогах истории, но если бы вы спросил Капустина, то он бы хриплым голосом ответил: “то был Великий Австралийский Писатель”. Гость приехал на выпускной в сопровождении нескольких людей в штатском, хотя место их службы было буквально написано у них на лбу. Миновала официальная часть, начался банкет. Великий Австралийский Писатель здоровался за всеми за руку, эмоционально просил переводчика передать собеседникам степень его восторга. В Союзе он не в первый раз, но наконец-то окунулся не только в дружественные визиты и поездки на дачу, а ещё и в творческую среду. Всё вокруг восхищало его, языковой барьер не влиял на междометья и искреннюю радость от происходящего. Стилль встречи становился всё более неофициальным, писатель завёл массу новых знакомств. Сопровождавшие его, хотя и были сотрудниками определённого ведомства, но в первую очередь были людьми, разморёнными концертом и весельем, а потому увлеклись разговорами с другими гостями, поглядывая на интуриста сквозь толпу. В какой-то момент они вовсе не обратили внимания, как Сергей Уланов протиснулся сквозь веер рюшек и грубых пиджаков, и подслушал восхищения иностранца природой России:

- This is the most beautiful and fascinating nature I've ever seen!

- Чего? Природа? Нейчур? Да вы не видели настоящей нэйчур!

- Excuse me?

- I said that you didn't see the real nature! – с характерным акцентом буркнул Уланов.

- Indeed? Why?

- Because if you weren't in the countryside, you wouldn't understand the greatness and... and... масштаб, масштаб переведи ему, - Уланов хлопнул по плечу сопровождавшего интуриста переводчика.

Тот рассеянно оглянулся, прервав интересную беседу.

- The scale, - с выверенным акцентом, предписанным советскими педагогами, и которого до сих пор остерегаются на территории Штатов, произнёс переводчик.

- Тут не говорить надо, а своими глазами видеть, вотч, понимаешь? Вотч бай ё айз! – Уланов характерно жестикулировал и больно ткнул себя пальцами в веки.

Великий Австралийский писатель не понял ничего, но почему-то быстрым шагом стремился к выходу из зала, увлекаемый разгорячившимся Улановым.

Буквально с банкета они побежали на вокзал, взяв последние билеты на электричку до Савёлова. Вагон был забит под завязку, и они чудом протиснулись сквозь курящую взмыленную толпу, заняв свободный кубометр воздуха. Здесь они понесли первую потерю: гостю оторвали подмётку. Куском найденной тут же на полу верёвки Уланов кое-как забинтовал ботинок, нелепо завязал на носке бантик и бесконечно впечатлил иностранца смекалкой. Удивительно, но даже в дымном тамбуре Великий Австралийский Писатель не уловил противо-

естественность своего нахождения здесь. Его, принимаемого на элитных подмосковных дачах, передвигавшегося исключительно на МИД-овской «Волге», в строгом дорогом костюме и фирменных ботинках, так нелепо завязанных растоптанным шнурком, засасывала русская глубинка, и он не смел этому сопротивляться.

Едва сойдя с подножки вагона в Савёлово, Уланов уже спешно подгонял гостя: с электрички им предстояло бегом бежать за билетами на рабочий поезд. Времени в запасе было меньше десяти минут, а конкуренция за место в поезде колоссальная. Благополучно поругавшись в очереди и достав билеты, Уланов затащил вымотанного иностранца в поезд. Маршрут их пролегал до Константиново, но именно там лучше не выходить, идти далеко, поэтому на полпути до нужной станции они дёрнули стоп-кран поезда, и, словно заправские хулиганы, прыгнули на обочину где-то в лесу. Писатель лежал в траве, сердце его подпрыгивало в такт убегающему в Константиново поезду, а лёгкие жадно ловили прохладный вечерний воздух. Уланов потрепал его за плечо, впереди лежал путь в семь километров сквозь заповедные места. Как будто бы здесь природа была уже окончательно ласкова и хороша, но проводник настойчиво убеждал: следует усилить впечатления! Здесь ещё что! Вот скоро доберёмся – и там посмотрим! В пылу дороги гость и не догадался узнать конечную точку этого русского маршрута.

Когда Писателю показалось, что сумерки пугающе сгустились, лес подступил к самым границам оторванной подмётки, комары особенно агрессивно стали впиваться в шею под накрахмаленным воротником, и что шагать дальше он не может, впереди показалась шумная деревушка. Он вздохнул. Прибавив ходу и нагнав Уланова, Писатель наивно поинтересовался, найдут ли они тут ночлег? Уланов покачал головой. Деревушка Рыкино была не конечным пунктом их путешествия, а лишь перевалочным: здесь им предстояло купить бутылку водки, найти трезвого лодочника, обменять штоф на переправу и продолжить путь. Великий Австралийский Писатель впервые увидел живую, прохладную спокойную Волгу и опустил перед ней на песок. Густая синь воды медленно колыбалась, была необозримо широкой и словно облизывала тёмный горизонт. Волге было не интересно, как Уланов суетится о переправе, как стерляди и окуньки пронизывают пресную толщу, как меняется погода и люди на берегу. Она всё так же несла свои воды, вставала непреодолимой границей, кормила и восхищала каждого счастливчика, оказавшегося у её крыла.

Лодочник Шарапов отыскался быстро, охотно сел на вёсла и перевёз путешественников наискосок широкого волжского русла в деревню Колбасово. На берегу Великий Австралийский Писатель отчаянно надеялся обрести приют и обед. Он грузно вывалился через борт лодки и зачерпнул дырявым ботинком ила со дна. Светлая июньская ночь вступала в свои права. Берег был пологий и уходил с одной стороны сквозь луг в деревню, с другой в чащу леса. На песке вонял забытый комок рыболовной сетки. Воздух наполнился удивительными ночными звуками: плеском волн, воем собак, шелестом листвы. Писатель прикрыл глаза:

- It was the longest day in my life... Sergey, where are we? Where's your home? I didn't expect this way: this train, another train, forest road, boat... I don't even understand where are we going?

Уланов угостил гостя пучком лугового щавеля.

- Впереди, my friend, ещё примерно семь километров пути. Seven. В деревню Х.

Писатель покачал головой и окончательно разочаровался во всей авантюре. Лодочник растворился во тьме залива и пути назад у Писателя, конечно, никакого не было. Он тяжело встал и приготовился к решающему марш-броску в семь километров.

В деревне Х. царили тишь и покой. По прибытии Великий Австралийский Писатель уже сполна наслаждался красотами, а главное, масштабами русской земли. Дом Уланова был сыр и не топлён, в подполе валялась мёрзлая прошлогодняя картошка, потому путешественники отправились на другой конец деревни к Капустину. Про него надо сказать отдельно.

Капустин был самой значимой фигурой деревни. Его знали решительно все, а скромная его кухня, освещаемая тусклой лампой накаливания, слышала все истории округи. Капустин жил на перекрёстке двух старинных дорог, что географически делало его центром притяжения всех, оказавшихся в этом ветхозаветном медвежьем углу. Промышлял охотой и рыбалкой, гнал самогон, кормил всех бездомных собак и кошек, выращивал табак сорта «Самсун», картошку и огурцы. Развлечения ради виртуозно играл простые мелодии на спичечном коробке и всегда хлебосольно принимал у себя в доме любых гостей.

Таковыми были и уставшие Уланов с Писателем. Ближе к полуночи они ввалились в дом к радушному хозяину и с порога повергли его в уныние: Капустин был глубоко расстроен состоянием обуви гостя, его жалкой оторванной подмёткой и засохшей грязью под каблуком. Сразу после приветствия он достал ящик инструментов и в два счёта починил левый башмак так, что его было не отличить от правого. Ловко очистив его, вернул обувь гостю.

Великий Австралийский Писатель воспрял духом. Покрутив отремонтированный ботинок в руках, он полез во внутренний карман за бумажником. После покосившегося крыльца, разбитой лампочки в сенях и заплатанного плаща на гвозде было слишком сомнительно найти здесь мастера на все руки. Подмётка была прихвачена ровными стежками и незаметными каплями клея. Писатель одним движением распахнул бумажник и извлёк из него несколько купюр, работа и правда того стоила.

Капустин обиделся до глубины души. Он ревел медведем и, задыхаясь от волнения, пытался объяснить Уланову размер его негодования. Писатель растерянно смотрел то на своего сопровождающего, то на небритого мужика в шерстяном свитере (в июне). Русским он не владел, но разговор уловимо строился вокруг нескольких незамысловатых слов про мать, деньги и какую-то анатомию. Разобравшись в проблеме, Уланов перевёл:

- Mister Капустин is very upset. You offended him. He wanted to please you, so you shouldn't have offered money. It's bad! Mister Капустин is very, very upset.

- He is?

- Yes! You can fix it only one way: you have to drink vodka with him.

- What?

- Vod-ka. Russian vodka. Са-мо-гон. Understand? – Уланову казалось, что если говорить громче, смысл слов быстрее доберётся до центра принятия решений в голове Писателя. Тот понял фразу с первого раза, но связь водки, обиды и денег была за гранью его понимания.

Жена Капустина принесла самогон. Налили, выпили. Завязался разговор, с каждой минутой языковой барьер всё очевиднее таял и терял свои ограничительные свойства. Спустя пару часов все непринуждённо толковали, закусывая солёными огурцами. Жена Капустина мирно дремала, прислонившись спиной к печи, в непроглядное окно июньской ночи билась муха, пушистая кошка ластилась под столом то к одному, то к другому гостю, а над столом туманом плыла, закручивалась клубами тихая беседа...

Дом Капустина обязывал заглянуть в него всем без исключения, поэтому к утру в дверь просунулась кудрявая и довольная голова Начальника Пилорамы. Завидев, что хозяева не спят, его круглое красное лицо расплылось в улыбке, подпирая щекою дверь. Счастливые мысли напрочь вытеснили из памяти цель визита, Начальник Пилорамы спешно проник в комнату на запах солёных огурцов, подставил табуретку и сразу включился в беседу. По его же собственным воспоминаниям, он даже и не понял, что один из гостей был иностранцем. Жена Капустина поставила на стол ещё одну бутылку, сервировала завтрак и ушла в огород.

В какой-то момент сидящие за столом заметили присоединившегося собеседника, Капустин хрипло гаркнул, махнув рукой:

- Начальник пилорамы он!

- Пилорамы! – с придыханием повторил Уланов.

Вновь прибывшему налили стакан, Уланов přátельски приобнял его и начал:

- Слушай, у меня крышу перекрывать надо, стропила и ригеля плохие, может можно как-то через тебя достать материала?

- А чего ж не можно? Очень можно! - раскраснелся Начальник Пилорамы и опрокинул стопку, перейдя в ещё более благостное состояние. Его рука спешно потянулась за следующей.

- А когда? – наседал Уланов.

Начальник Пилорамы опустил руку с солёным огурцом на полдороги:

- Да хоть сейчас!

Уланов вскочил, опрокинув табурет. Ремонт крыши простаивал с начала мая, нигде нельзя было достать дефицитного дерева нужного калибра. Боясь, что щедрый продавец передумает, Уланов потащил его к выходу:

- Ты на машине?

- Н-на тракторе... - растерянно пробормотал начальник и грустно посмотрел на пустой стакан в руках.

- Едем! - и Уланов ловко увлёк его на крыльцо.

Великий Австралийский Писатель грустно проводил приятеля глазами. Его познания русского языка ещё не позволяли уловить суть договорённостей Уланова с пилорамой, а потому он не придумал значения расставанию с ним.

Капустин повернулся к Писателю и продолжил свою историю с прежнего места. Она текла так же непринуждённо, как и при других слушателях, словно бы за столом подпирали подбородки руками старые знакомые. К обеду иностранца окончательно разморило, он вышел раздышаться на крылечке, присел на завалинку и уснул. Капустин проведаль пасеку, покомандовал громогласным голосом в огороде и тут заметил прикорнувшего гостя.

Переложить его он решил, естественно, на печку. Писатель безмятежно спал после суточного погружения в русскую глубинку. К вечеру домой пришла жена Капустина, скинула косынку, вымыла руки и услышала тревожный стон. Растерявшись, она окинула глазами комнату и тут заметила подозрительно целые носки на ногах, свешенных с печи. Писатель ворочался и что-то бормотал на непонятном языке. Посуетившись несколько минут, хозяйка выбежала в огород:

- Юр, гость-то помирает...

- Как помирает?

- Ну как? Лежит и стонет... страшно так, жалобно.

Капустин уселся и попытался вникнуть в проблему.

- Ты ему воды давала?

- Давала, Юр, не пьёт, - покачала головой хозяйка.

- Ты ему рассола давала?

- Давала, Юр, не хочет, - со слезами прижала кулак к губам жена.

Капустин сокрушённо вздохнул:

- Его душа просит водки.

Он быстрым шагом вернулся в дом, забрался на печку, приподнял голову гостя, хлопнул туда стопку самогона и под сладкое сопение опустил на скамью. Капустин рассудил, что речь гостя в любом случае ему непонятна, методы лечения в деревне Х. просты и незамысловаты, а завтра уже приедет Уланов.

Назавтра Уланов не приехал.

Ночь прошла спокойно, лишь жужжание мух да шорох дождика за окном нарушали домашний покой. Гость спал как никогда в жизни, Капустин просил припозднившихся гостей вести себя тихо: у нас на печке Великий Австралийский Писатель отдыхает, проявите уважение, вашу мать. Жена Капустина выстирала стильный импортный костюм, заново загладив на брюках стрелки.

Летнее солнце высушило вчерашние лужи, играло бликами сквозь окно. Настроение у деревенских было наилучшее. Стояла ясная суббота, жена Капустина растопила баню берёзовыми дровами, напарила веников, и мужчины отправились мыться. Для преодоления языкового барьера Капустин прихватил бутылку, она временно заменяла разговорник. Это была единственная причина, по которой обратно друзья возвращались благодные и душистые. Но ползком. Жена Капустина увидела их, румяных, небрежно одетых и застёгнутых не на все пуговицы, подхватила, отволокла домой, укутала в шерстяные платки, накормила и положила спать.

К вечеру небо заволокли тучи, а за столом у Капустина друзья перешли к философским разговорам. Особенно Писателя занимало преодоление человеком жизненных трудностей, поведение его в критических ситуациях. Капустин тут же в лицах передавал свою встречу с кабаном, уровень опасности для жизни и стойкость собственного духа. Писатель говорил, что шерстяной свитер Капустина напоминает ему образ любимого Хемингуэя, Капустин здесь же стаскивал потёртую одежду с себя и вручал гостю в подарок, хрипло кричал «возьми-возьми», обнимал его и лез в комод за новым подарком. Поражаясь собственной щедрости, Капустин затянул казацкую песню, затем через мат-перемат вспомнил очередную частушку и пустился в пляс. Немедленно разгорелся спор о политических деятелях, и Капустин, не имея возможности выгнать оппонента из вежливости, сам выбежал в майке на крыльцо, нащупал в кармане брюк спичечный коробок, вернулся и исполнил на нём затейливые произведения. Других музыкальных инструментов в доме не было. Когда речь зашла о восхищении русскими писателями, в частности, Толстым и Гоголем, Капустин вскочил и стал цитировать Есенина, окончательно доведя гостя до скупых мужских слёз. А муха всё так же билась в стекло, на улице бродили тучи и капал дождь, электрическая лампочка временами мигала, гудел холодильник и, на удивление, этим вечером никто в гости не зашёл.

Уланов не приехал и на следующий день.

А в понедельник в дверь его городской квартиры настойчиво позвонили. Белощёкий Сергей, объятый пеной для бритья, радостно распахнул дверь навстречу гостям. Лицо его, словно театральная маска, мгновенно сменило радостное выражение на несчастное: в нос уткнулись удостоверения, не сулившие ничего хорошего. Пришедшие из КГБ предрекали долгий и неприятный разговор. С порога они начали допытываться, куда Уланов дел иностранного туриста, Великого Австралийского Писателя, ускользнувшего из-под их контроля с выпускного в Гнесинке. Все допрошенные на минувших выходных единогласно заявляли: последнего с ним видели отца выпускницы Натальи Улановой. Грядёт международный скандал!

Сергей побледнел, схватился за голову, судорожно вызывая к памяти! С утра жена погладила костюм, потом он бегал за цветами, потом встретил соседа Володьку, эх, давно не виделись, пошли смотреть текущий кран... Так, вот, вспомнил, вернулся домой, полез в кастрюлю на аромат супа, в итоге выловил сваренные бигуди... Жена ругалась, но наконец-то собрались и поехали к Наташке. Ох, как она пела! Сергей пустил слезу, потом долго стоя аплодировал, потом страшно маялся остаток концерта и хотел курить... Потом... Потом банкет! Он опрокинул рюмку за одним столом, за другим, выбежал с мужиками курить, вернулся и услышал шелест восхищения: в зале Великий Австралийский Писатель! Протиснулся к нему и...

- Мама родная... - единственное, что смог вымолвить Уланов, вытирая пену с небритых щёк.

- Так где сейчас иностранный гражданин? – хмуро спросил старший по званию.

Горло у Сергея пересохло. Невнятно промычав, он замахал руками и бросился в спальню к шкафу. Конвой ринулся за ним, но столкнулся с выбегавшим обратно Улановым:

- Скажите, вы на машине?

Чекисты переглянулись. Откровенно говоря, они собирались забрать Сергея Павловича Уланова 1920-ого года рождения по некоторому адресу, но они никак не ожидали, что он с таким рвением попросится туда сам. Старший перевёл взгляд на Уланова и кивнул.

- Тогда скорей!

И Уланов пулей вылетел за дверь, волоча по лестнице отцепившиеся под пиджаком подтяжки.

Водитель чёрной «Волги» несколько растерялся, когда на переднее сиденье плюхнулся раскрасневшийся гражданин и в спешке стал объяснять маршрут. Бригада сотрудников госбезопасности в этот момент только выбегала из подъезда. Втроем они уплотнились сзади, и старший коротко кивнул, едем. Машина сорвалась с места.

Съезжая с окружной на шоссе Уланов принялся подгонять водителя:

- Скорее же, скорей!

- Для начала я хотел бы узнать финальную точку маршрута!

- Зачем она вам! Как будто это что-то вам скажет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.